С. Е. ТИХОНОВ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

Способы выражения эмоционального и интеллектуального мира лирического героя в литературной и народной лирике различаются: в литературной чувства и мысли передаются, как правило, от имени лирического «я», а в народной, кроме того,— путем показа их поступков, создания определенных бытовых и пейзажных картин[1]. В народной лирике с этим связано, во-первых, появление ролевых героев[2] и их активное участие в развитии сюжетных ситуаций и, во-вторых, наличие повествовательных и описательных элементов. Анализируя закономерности употребления функционально-смысловых типов речи, О. А. Нечаева отмечает, что повествование свойственно и лирике[3]. Наши наблюдения показывают, что отличительной чертой народной лирики является то, что элементы повествования и описания подаются в форме прямой речи (ПР) ролевых персонажей[4].

В лингвистической литературе дается следующее определение описания: «...описание — функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком

---

[1] Подробнее об изображении событий, поступков, картин как средстве выражения мыслей и чувств персонажей, т. е. о наличии в народной песне сюжетной ситуации см.: Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора.— М., 1981, с. 58; Он же. Русские народные песни.— М., 1965, с. 44.

[2] Ролевой герой есть участник сюжетной ситуации, описываемой в песне. Подробнее о понятии «ролевой герой» см.: Лазутин С. Г. Ролевые герои русских народных и литературных песен и композиционные формы их выражения.— В кн.: Поэтика литературы и фольклора. Воронеж, 1979, с. 59 и далее.

[3] Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение).— Улан-Удэ, 1974, с. 98.

[4] Посредством прямой речи воспроизводится уже созданная речь со всеми ее индивидуальными особенностями модального и структурного планов, а также плана актуального членения. При этом указанием на смену субъектов речи могут служить ввод (слова автора) или строгая последовательность реплик диалога, которые не отграничиваются друг от друга словами автора. (См. о понятии ПР: Чумаков Г. М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии и стилистики. Докт. дис.— Днепропетровск, 1977, с. 27).

понимании...»[5]. Повествованием О. А. Нечаева считает «...функционально-смысловой тип речи, выражающий сообщение о развивающихся действиях или состояниях...»[6]. Как видно из приведенных цитат, О. А. Нечаева рассматривает повествование и описание как монологические, в основном, типы речи. В русской народной лирике обе формы речи могут быть представлены в диалоге.

Повествовательные и описательные элементы, представленные в форме ПР, реализуются в монологах или диалогах персонажей лирических песен.

В песнях, включающих в свой состав монолог, посредством ПР героя раскрывается сюжетная ситуация. При этом изображение действий и поступков персонажей — т. е. элемент повествования — составляет основное содержание песни. Например:

Не трубушки трубят
Рано по заре,—
Акулюшка плачет
По русой косе:
«Ой, свет, моя косушка,
Русая коса!
Ой, свет, моя девичья,
Моя красота!
Вечор мою косушку
Девушки плели,
Поутру ранешенько
Матушка плела,
Всеё мою косушку
Слезой облила.
Не спасибо Никите
Фетисьевичу:
Прислал ко мне сваху
Невежливую:
Почала мою косушку
И рвать и метать;
Рвала и метала,
На двое плела»... (696)[7]

Как уже отмечалось, в виде монолога, грамматически оформленного как ПР, может быть подано не только повествование, но и описание, например:

...Я схожу в нову горницу...;
Где сидит мой сердечный друг...
Он сидит, забавляется
И женой похваляется:
«У меня жена умная,
У меня жена разумная;
У ней походка павиная,
Тиха речь лебединая;
Она ходит тихошенько,
Говорит по-малёшеньку;
Брови — чернаго соболя,
Очи — яснаго сокола.
Она взглянет — утешит меня,
Спромолвит — накормит меня».
(10)

Или:

...Я кладу судьбу, жалобу
Что на сватью на бóльшую,
Все ходила почастешеньку,
Говорила помалешеньку,

[5] Нечаева О. А. Указ. соч., с. 94.
[6] Там же, с. 99.
[7] Статья строится на материале песен из собрания П. В. Киреевского: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1.— М., 1911; вып. 2, часть 1.— М., 1917; часть 2.— М., 1929. Номера песен соответствуют их нумерации в данном сборнике.

Говорила, все обманывала,
Чужу сторону нахваливала:
Как чужая дальня сторона
Она сахаром насеяная,
Она медом поливаная,
Виноградом гороженая,
Да тафтою покрываная...
(2)

Повествование и описание, как уже говорилось, реализуются в русской народной лирической песне не только в форме монологической ПР, но и в диалоге. Академик А. Н. Веселовский, имея в виду устнопоэтические произведения, указывал на то, что есть пьесы, где повествовательная канва изложена в диалоге действующих лиц[8]. Показательным примером, в котором повествовательная канва раскрывается во взаимно обусловленных репликах персонажей, являются многочисленные варианты песни «Матушка! что во поле пыльно...» Приведем один из них:

Матушка! В соборе к вечерни,
Сударыня, в соборе к вечерни!
— Дititка, да по всем по приходам,
Свет милое моя, по всем по приходам.
Матушка, во Тройци нету,
Сударыня, во Тройци нету!
— Дитятка, во Тройци свадьба,
Малае, во Тройци свадьба.
— Матушка, да чия ж эта свадьба?
Да, сударыня, да чия ж эта свадьба?
— Дititка, Степанова свадьба,
Свет милая моя Федорача.
Матушка, да што ж в поли пыльна?
Сударыня да што ж запылилось?
— Дititка, кони узыгрались,
Милая, вороныя узыгрались.
Матушка, да чии ж это кони?
Сударыня, да чии ж вороныя?
— Дititка, Степановы кони,
Свет милая моя Федорыча вороны.
Матушка, да по юлици едуть!
Сударыня, да по юлици едуть!
— Дititка, ни бось, ни пужайся,
Милая моя ни (о)тдам в чужи люди.
Матушка, на широкий двор взъежають!
Сударыня, на широкий двор взъежають!
— Свет милая моя, ни (о)тдам в чужи люди.
Матушка, на новое крыльцо всходють!
Сударыня, на новое крыльцо всходють!

[8] Веселовский А. Н. Эпические повторения как хронологический момент.— В кн.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 118.

— Дититка, ни пужайса,
Милая, ни отдам в чужи люди.
Матушка, во горницу всходють!
Сударыня, во горницу всходють!
— Дититка, ни бось, ни пужайся,
Свет милая моя, ни отдам в чужи люди.
Матушка, за дубовый стол садятца!
Сударыня, за дубовый стол садятца!
— Дититка, ни бось, ни пугайся,
Свет милая моя, ни отдам в чужи люди.
Матушка, в повозку сажають!
Сударыня, в повозку сажають!
— Дититка, Бог с тобою!
Свет милая моя, ступай, Бог с тобою!
(443)

Проделаем такой опыт: представим содержание песни вне диалогической композиции в виде пересказа.

В одном из соборов зазвонили к вечерне. Зазвонили по всем окрестным приходам, кроме Троицы, потому что во Троице свадьба, свадьба Степана Федоровича. Внезапно в поле стало пыльно. Это взыграпись вороные Степановы кони. Вот уж едут они по улице, въезжают на широкий двор. Незваные гости входят на крыльцо, затем в горницу. Садятся гости за дубовый стол, а потом ведут красную девицу к повозке. Мать благословляет дочь на замужество.

Перед нами повествование. Повествовательное содержание в песне диалогической композиции полностью реализуется только через реплики персонажей. При этом изложение становится субъектно отнесенным и эмоционально напряженным. Эмоциональное состояние героев находит свое выражение в обилии вопросительных предложений, в интонации восклицания, постоянном повторе обращений, лексическом составе тавтологических реплик матери (Дититка, ни бось, не пугайся...), в использовании существительных с суффиксами субъективной оценки. Повествование в данном случае реализуется посредством последовательных взаимно обусловливающих друг друга реплик (диалогических единств). Начиная с реплики «Матушка, да по юлици едуть...», повествование развивается только через констатирующие восклицания дочери. Все остальные реплики матери призваны снять все возрастающее эмоциональное напряжение собеседника. Последняя реплика служит развязкой.

Таким образом, диалогическая композиция создает эмоционально-экспрессивную насыщенность повествования, которое становится субъектно закрепленным. Эти качества вне диалога оказываются снятыми.

Повествовательные и описательные элементы, включенные в диалог, могут иметь различный объем и структуру. Во-первых, повествование и описание могут быть выражены путем ряда следующих друг за другом диалогических единств, как было показано на примере песни «Матушка! В соборе к вечерни...». Во-вторых, элементы повествования и описания, составляя основное содержание песни, могут быть представлены как монолог или его значительная часть, например:

Мимо Дмитревских ворот
Шло полченье во поход;
Во полченье молодежь —
Во всем свете не найдешь.
Хорошо солдату жить,
При полку ему служить;
Солдат подати не платит,
И оброку не дает!
— Ох, вы, глупые крестьяне,
Деревенски мужики!
Вы бы сами побывали,
Обо всем нужду спознали.
Когда пошлют — беги скоро,
Чтобы дело было споро.
Я не долго застоялся,
С красной девкой заболтался;
Раным рано по утру
Несут палок по пучку.
Выводили солдатушка,
Стали спрашивати:
«Где ты, где ты, солдатик, был?
Где ты ночку ночевал?»
Приказали раздеваться;
Стал солдатик оправдаться.
Не успел он молвить речи.
Прохлестали спину, плечи.
Ну, хоть спинушка избита,
Да с сударушкой пожито;
Хотя бита она больно,
Да погуляно довольно.
Пойду, выпью я вина,
Заживет моя спина...

(1337)

В-третьих, повествовательные и описательные элементы сопутствующего характера могут представлять собой часть реплики персонажа, например:

Ах ты зять мой, зятюшко!
Дорогой гость, батюшка!
У тебя нет, у зятюшка,
Ни уса, ни бородушки,
Ни сохи, ни боронушки,
В угороде нет бороздушки,
На гумне нету кладушечки,
На столе нету краюшечки,
Ни в мошне нету полушечки.
— Ах ты теща, ты теща моя!
Дорогая теща, ласковая!
Отдала ты свою дочку за меня,
А твоя дочка умница,
Она умная, разумная была:
А поставила она кросна,
А кроснам-то девятая весна,
А десята славна масленица.
А колода-то под полом,
По колени в землю втоптаная,
На подножках трава выросла,
На просести цветы выцвели!—
«Ох ты зять, ты мой зятюшко!...

(1397)

В данном примере описание колоды оказывается включенным в реплику зятя.

Из всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы:

1. Повествование и описание в фольклорной лирике часто подаются посредством их включения в прямую речь персонажа

(персонажей), композиционно организованную как монолог или диалог.

Прямая речь, таким образом, представляет собой в русской народной лирической песне одну из языковых форм репрезентации повествования и описания.

2. И монологическая, и диалогическая композиция народных песен — это эффективный, стилистически значимый способ реализации повествования и описания, создающий экспрессивно-эмоциональную насыщенность художественного текста.